

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бондарев В. А. Торговля и предпринимательство как формы адаптации крестьянства к условиям колхозной системы в 1930-х годах (на материалах Юга России) / В. А. Бондарев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 428—446. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-428-446.

Bondarev, V. A. (2026). Trade and Entrepreneurship as Forms of Adaptation to Collectivization in Russian South during 1930s. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 428-446. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-428-446. (In Russ.).

Web of Science®

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Торговля
и предпринимательство
как формы адаптации
крестьянства к условиям
колхозной системы
в 1930-х годах
(на материалах Юга
России)**

Бондарев Виталий Александрович
orcid.org/0000-0003-4558-3564
доктор исторических наук, доцент,
кафедра истории и культурологии
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дон, Россия)

**Trade and Entrepreneurship
as Forms of Adaptation
to Collectivization
in Russian South
during 1930s**

Vitaly A. Bondarev
orcid.org/0000-0003-4558-3564
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History
and Cultural Studies
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Don State
Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются торгово-рыночные отношения как элемент сельской действительности 1930-х годов на материалах трех аграрных южно-российских регионов: Дона, Кубани и Ставрополя. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью роли торговли и предпринимательства в адаптации сельского населения к новым социально-экономическим условиям, возникшим в результате сплошной коллективизации.

Сообщается, что большинство хозяйств колхозников и единоличников носили натуральный характер и реализовывали на рынке небольшую часть продукции, чтобы получить необходимые для уплаты налогов и покупки предметов быта деньги.

Отмечается, что торговля и предпринимательство способствовали росту хозяйственной самостоятельности колхозников и упрочению позиций единоличников, поэтому большевики не только ужесточали контроль над рынком, но и осуществили ряд масштабных мероприятий по ослаблению мелкотоварных деревенских хозяйств. Доказано, что такие меры, как плотный административный контроль, повышенное налогообложение, конфискация земельных излишков у крестьян, серьезно повлияли на дееспособность мелкотоварных личных подсобных хозяйств колхозников и привели к практически полному исчезновению некооперированного сектора деревни в конце 1930-х годов.

Ключевые слова:

единоличники; коллективизация; колхозная деревня; колхозы; крестьянство; личное подсобное хозяйство; предпринимательство; рынок; торговля.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates trade-market relations within rural life during the 1930s using archival materials from three agricultural regions in southern Russia: Don, Kuban, and Stavropol. The research highlights a significant gap in understanding how trade and entrepreneurship contributed to peasants' adaptation to new socio-economic conditions resulting from comprehensive collectivization policies. It is argued that most peasant households were predominantly self-sufficient, selling only minor portions of their produce on markets primarily for acquiring funds necessary for tax payments and purchasing basic consumer goods. Additionally, it demonstrates that these activities fostered greater economic autonomy among collective farmers and strengthened the position of individual smallholders, prompting Soviet authorities to intensify market control measures and implement large-scale initiatives aimed at weakening small commodity-producing village farms. Evidence shows that administrative controls, increased taxation, and confiscation of land surpluses significantly impaired the viability of small personal subsidiary plots owned by collective farmers, leading almost entirely to the disappearance of non-cooperative sectors in villages by the late 1930s.

Key words:

independent farmers; collectivization; collective farm village; kolkhozes; peasantry; private subsidiary farming; entrepreneurship; market; trade.

Торговля и предпринимательство как формы адаптации крестьянства к условиям колхозной системы в 1930-х годах (на материалах Юга России)

© Бондарев В. А., 2026

1. Введение = Introduction

Развернутая в Советском Союзе в конце 1920-х — начале 1930-х годов сплошная коллективизация сельского хозяйства представляла собой комплекс масштабных государственных мероприятий, социально-экономическое содержание которых было предельно жестко детерминировано коммунистической идеологией. Творцы коллективизации стремились не просто создать крупные сельхозпредприятия-колхозы, гораздо более эффективные в сравнении с огромной массой безнадежно устаревших и малопродуктивных крестьянских parcelлярных хозяйств, а перевести деревню на социалистический путь развития. Колхозы являлись средством, тогда как конечной целью сплошной коллективизации выступало построение социализма, а значит, ликвидация капитализма в аграрной сфере. Отсюда проистекали широко распространенные на рубеже 1920—1930-х годов попытки радикал-большевиков вновь, как в годы Гражданской войны, обобществить в колхозах все крестьянское имущество, запретить частную торговлю, установить между городом и деревней прямой продуктообмен.

Однако радикализм коллективизаторов в кратчайшие сроки спровоцировал кризисные явления в экономике и вызвал массовые протесты крестьянства. Все это заставило И. В. Сталина сделать ряд примирительных жестов, в числе которых было и разрешение сельхозпредприятиям и рядовым аграриям торговать произведенной ими продукцией. Тем самым, успокоив взбурдаженное население деревни, большевики вынужденно согласились с сохранением на селе торгово-рыночных отношений, которые в 1930-х годов и вплоть до исчезновения СССР приобрели облик колхозной торговли.

Проблематика колхозной торговли отнюдь не нова в историографии. В советской литературе сформировавшиеся в период коллективизации торгово-рыночные отношения трактовались как неотъемлемый компонент советской торговли, избавленной от перекупщиков и спекулянтов и

являвшейся органической частью социалистического устройства. Подчеркивалась важная роль колхозного рынка в снабжении горожан продуктами питания по доступным ценам, в развитии сельхозпроизводства в колхозах, в повышении материального уровня колхозников [Рубинштейн, 1964; Дихтяр, 1965; Белянов, 1970; Глотов, 1979; Тленкопачев, 1982; История ..., 1986]. Подобные вопросы освещаются и в постсоветской литературе [Тепцов, 1990; Кулев, 1993; Безгин и др., 2005; Твердюкова, 2007; Осокина, 2008; Бабашкин и др., 2015; Чупрынников, 2020; Осьмачко, 2021]. Наряду с этим, восполняя пробелы и умолчания советской историографии, современные исследователи уделяют пристальное внимание торговле и предпринимательству как формам экономической активности жителей колхозной деревни, позволявшим им приспособливаться к новым условиям жизни и хозяйствования [Фицпатрик, 2001; Пянкевич, 2008; Мариненко, 2012; Веронская и др., 2024]. Данный аспект проблемы рассматривал и автор настоящей публикации [Бондарев, 2006].

Однако все же в рамках означенной проблематики еще сохраняются недостаточно изученные аспекты, среди которых следует отметить такие, как многообразие предпринимательских стратегий колхозников и единоличников, степень их распространения в деревне, их эффективность как способов адаптации сельского населения к сложным и непривычным условиям колхозной системы, соответствие деловой активности аграриев советскому законодательству, «черный» и «серый» рынки на селе и в городе и т. д. Заполнение отмеченных лакун позволит детализировать представления не только о жизнедеятельности населения колхозной деревни 1930-х годов, но и о социально-экономическом устройстве СССР. Изучение торговли и предпринимательства позволяет говорить о том, что таковые, вопреки распространенным заблуждениям, играли важную роль на протяжении советских десятилетий как в деревне, так и в городе, успешно адаптируясь к плановой экономике и компенсируя её недостатки. В свою очередь, понимание значения торгово-рыночных отношений в СССР дает возможность точнее определить как причины крушения советского цивилизационного проекта, так и истоки фермерского движения, торговли, рынка, предпринимательской деятельности в постсоветской России, которые, на первый взгляд, возникли мгновенно и буквально ниоткуда.

2. Материалы, методы, обзор = Materials, Methods, Review

Эмпирической базой представленной публикации выступают материалы Дона, Кубани и Ставрополя, которые в настоящее время административно оформлены в Российской Федерации как Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края. В 1930-х годах административная

принадлежность перечисленных регионов неоднократно менялась. С середины 1920-х годов они находились в составе Северо-Кавказского края, с января 1934 года — Северо-Кавказского (Ставрополье) и Азово-Черноморского (Дон и Кубань) краев, а с 1937 года приобрели современные границы. Вне зависимости от административных преобразований отмеченные южно-российские регионы во многом схожи, поскольку являются аграрными, с развитым сельским хозяйством и заметным удельным весом сельских жителей в составе населения. Наряду с другими житницами СССР, Дон, Кубань и Ставрополье подверглись коллективизации в первую очередь. Поэтому региональные материалы вполне репрезентативны при изучении устройства колхозной деревни и, в частности, формировавшихся в 1930-х годах торгово-рыночных отношений.

Основными компонентами источниковой базы нашего исследования выступают архивные документы и материалы, публикации в прессе, свидетельства и воспоминания современников. Нами были проанализированы документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственных архивов Ростовской области (ГАРО) и Ставропольского края (ГАСК). Методологический инструментарий представлен историко-генетическим и проблемно-хронологическим методами, путем применения которых удалось проследить процесс формирования товарно-рыночных отношений в коллективизированной деревне, выявить их особенности, установить трансформации торгово-предпринимательской деятельности колхозников и единоличников под влиянием социально-экономических условий и аграрной политики советского государства.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

Юридическим базисом колхозной торговли выступил ряд правительственных постановлений 1932 года. ЦК ВКП(б) и СНК СССР 6 мая приняли постановление «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 года и о развешивании колхозной торговли хлебом», а 10 мая — постановление «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян» [Коллективизация ..., 1957, с. 411—412, 416—417]. 20 мая было издано постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами» [Решения ..., 1967, с. 388—389]. Данными нормативно-правовыми актами законодатель разрешал колхозам, колхозникам и некооперированным крестьянам (единоличникам) свободно продавать на рынке часть про-

изведенной ими продукции, но при ценовом контроле со стороны властей и только после выполнения обязательных государственных заготовок.

Для правительства разрешение колхозной торговли являлось очередным способом преодоления кризисных явлений в деревне, примирения с крестьянством, улучшения продовольственного снабжения горожан, которые теперь могли покупать продукты питания на рынках по сравнительно доступным ценам. Что касается аграриев, то многие из них стремились использовать колхозный рынок в своих интересах и, применяя как разрешенные законом, так и полу- или противозаконные методы торговли и предпринимательства, пытались приспособиться к стремительно изменявшейся под воздействием коллективизации сельской действительности.

3.1. Направления, методы и масштабы торгово-предпринимательской деятельности колхозников и единоличников в 1930-х годах

В 1930-х годах сельское население не являлось единым ни в социальном плане, ни по степени вовлеченности в торгово-рыночные отношения. Несмотря на размах коллективизации, в первой половине 1930-х годов колхозники еще не стали безраздельно доминирующим социальным типом на селе. К 1934 году в деревне оставалось не менее 9 млн хозяйств единоличников — 40 % к общей массе крестьянских дворов [Зеленин, 1993, с. 35], в том числе среди крестьянских хозяйств Северо-Кавказского края единоличный сектор занимал в 1933 году около 35,3 % [РГАЭ, ф. 1562, оп. 82, д. 272, л. 86]. В 1934 году в реорганизованном Северо-Кавказском крае единоличники составляли 44,4 % [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 18], в Азово-Черноморском крае — до 20 % [Трагедия, 2002, с. 139]. Разница в социальном положении колхозников и единоличников оказывала определенное влияние на их коммерческое целеполагание, предпринимательскую активность, количество реализуемой на рынке продукции.

Для основной массы колхозников и единоличников Юга России, как и всей страны, торговля на рынке являлась вынужденной мерой. Колхозников заставляла продавать свою продукцию нужда в наличных деньгах, возникавшая вследствие особенностей оплаты труда в колхозах. Во-первых, колхозники получали зарплату раз в год, после сбора урожая: в конце года, в зависимости от количества выработанных трудодней, им выдавалась часть выращенной колхозом сельхозпродукции (в первую очередь хлеба) и выплачивались деньги. Во-вторых, на всем протяжении 1930-х годов размеры денежной оплаты трудодней были невелики. По статистике, в колхозах Дона и Кубани на один трудодень в 1931—1934 годах выдавалось в среднем 0,40 — 0,43 руб., в 1935 году — 0,93 руб. и только в 1936 году — 1,80 руб. [Шеболдаев, 1936, с. 4; Коллективизация ..., 1972, с. 615]. Поскольку среднестатистический колхозник вырабатывал в году 200—

300 трудодней, на руки он мог получить от 80 до 540 руб. Столь скромных сумм не хватало ни на уплату налогов, ни на покупку необходимых в быту промышленных товаров: одежды, обуви, домашней утвари и пр.

Для получения дополнительных денежных доходов колхозникам требовался выход на рынок. Характерны воспоминания одной из донских крестьянок о такой вынужденной коммерции: «Как деньги нам трудно доставались!.. Тыквенных семечек наберу и продаю стаканом. Стакан был в доме единственный, а дети разбили его... Так бумажкой его подвязала и ходила так на базар, семечки продавала... Надо ж копеек!» [Голоса, 1996, с. 281].

Колхозники могли реализовать на рынке часть сельхозпродукции, полученной на трудодни, если поступления от колхоза были существенны. Поскольку же в большинстве случаев оплата трудодней была невысокой, колхозники обычно торговали теми продуктами, которые производили в своих личных подсобных хозяйствах (ЛПХ). Хотя установленные законом размеры ЛПХ были невелики (южно-российские колхозники могли пользоваться приусадебным участком 0,25 — 0,5 га и держать одну корову, одну — две свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное количество птицы [История ..., 1959, с. 427, 428]), именно эти хозяйства давали жителям села основную часть как натуральных продуктов, так и денег [Зеленин, 1994, с. 118].

Обрисованные выше хозяйства колхозников, которые продавали на рынке сравнительно небольшую часть своей продукции, могут быть охарактеризованы как натуральные. Для них торговля на рынке сельхозпродукцией являлась необходимым подспорьем, чтобы получить наличные деньги и свести концы с концами.

Таковы же были и многие хозяйства единоличников, которые тоже сталкивались с проблемой дефицита наличности. Часть единоличников пополняла свои финансы путем найма на сезонную или постоянную работу в колхозы и совхозы, предприятия и учреждения, что нередко было сопряжено с практически полным отказом от ведения собственного хозяйства. Но для тех единоличников, которые занимались сельским хозяйством и не имели сторонних источников дохода, продажа выращенной ими продукции являлась едва ли не единственным способом получить наличные деньги, необходимые для уплаты налогов и покупки предметов быта.

Наряду с натуральными хозяйствами в коллективизированной деревне 1930-х годов действовали ЛПХ и единоличники, которые делали ставку на производство товарной продукции и активное участие в торгово-рыночных отношениях. Эти хозяйства правомерно трактовать как мелкотоварные. Ориентируясь на рынок, такие колхозники стремились компенсировать рыночными доходами низкую оплату трудодней либо и вовсе обеспе-

чить свою хозяйственную независимость от колхоза. Для единоличников же, не желавших отказаться от ведения собственного хозяйства, активная торговля и предпринимательство являлись занятиями более важными, чем для колхозников. Если у колхозников имелись два основных источника дохода (ЛПХ и колхоз), то единоличники могли рассчитывать лишь на собственное хозяйство, которое к тому же не имело возможностей развиваться вследствие государственных ограничений и находилось под постоянным налогово-административным давлением. С учетом мизерных размеров своих хозяйств (которые невозможно было увеличить законным способом) единоличникам приходилось следить за рыночной конъюнктурой, подстраивать под нее свое производство и, зачастую, выращивать монокультуры, наиболее востребованные покупателями. По этой причине, удельный вес мелкотоварных хозяйств в некооперированном (единоличном) секторе деревни был выше, чем у колхозников; по крайней мере, источники позволяют сделать такое осторожное предположение.

В большинстве своем мелкотоварные хозяйства концентрировались в сельских населенных пунктах, расположенных поблизости от стабильных рынков сбыта: городов, промышленных центров, курортов и т. п. Так, многие жители станицы Георгиевской (Ставрополье) имели крупные огороды, потому что продавали продукцию в расположенный поблизости город Георгиевск и курорты Кавказских Минеральных Вод [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 18]. Порой мелкотоварные хозяйства представляли собой внушительную группу в общей массе дворов колхозников и особенно единоличников. В частности, в 1934 году в Северо-Кавказском крае единоличники, занимавшиеся товарным садоводством и огородничеством, составляли 15—20 % от всех единоличных хозяйств края [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 83].

Опираясь на содержание источников, можно утверждать, что наиболее эффективная стратегия мелкотоварных хозяйств заключалась в возделывании садовых, огородных и бахчевых культур, которые всегда пользовались спросом у горожан и курортников. Особенно прибыльным занятием было выращивание и продажа свежей зелени, ягод и фруктов. По подсчетам финансовых органов, в Северо-Кавказском крае в 1934 году один гектар пашни приносил единоличникам всего лишь 400 руб. дохода, тогда как 0,25 га бахчи давали 650 руб., 0,30 га огородных культур — 700—800 руб., а 0,18 га винограда — и вовсе 5 760 руб. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 25] По данным на 1939 год, в Славянском районе Краснодарского края прибыль колхозников, торговавших выращенными в своих садах вишнями, доходила до 10 тыс. руб. [Краснодарский край ..., 1997, с. 853].

В погоне за прибылью колхозники и единоличники расширяли площади наиболее выгодных в коммерческом плане сельхозкультур. Так,

в 1934 году в станице Белореченской Азово-Черноморского края единоличники сокращали посевы зерновых культур, но отвели под бахчи 90 га (вместо 20 га, запланированных органами власти), а под овощи — 45 га вместо 32 га по плану [Степанов, 1934]. В 1939 году в Орджоникидзевском крае 72,8 % совокупных площадей местных ЛПХ занимали картофель, овощи и бахчевые культуры, а в 1940 году их удельный вес достиг 75 % [ГАСК, ф. 1886, оп. 2, д. 86, л. 2].

Препятствием для увеличения товарной продукции в ориентированных на рынок хозяйствах колхозников и единоличников выступали небольшие размеры их земельных участков. Пытаясь обойти это препятствие, земледельцы применяли две основные стратегии. Первая, не нарушавшая закон, заключалась в максимально рациональном использовании земли. Владельцы ЛПХ, ограниченные 0,5 га, сажали на участке несколько фруктовых деревьев, а на остальной площади сеяли зерновые или выращивали огородные, бахчевые и другие культуры [Краснодарский край ..., 1997, с. 825]. Во втором случае колхозники и единоличники расширяли площадь земельного участка, захватывая колхозные земли. Такие противозаконные захваты носили массовый характер. Показательны итоги обмера земельных участков колхозников, проведенные в Ростовской области в 1939 году: в ходе обмеров было установлено, что колхозники захватили у коллективных хозяйств более 54 тыс. га [ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 202, л. 132].

Теми или иными способами, но владельцы мелкотоварных хозяйств обзаводились крупными земельными участками. Так, в 1934 году некоторые единоличники Петровского района Северо-Кавказского края владели участками более 5—6 га [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 89]. К началу 1939 года в 50 районах Краснодарского края колхозники пользовались участками 0,7—1 га, иногда 1,22—1,25 га, а то и 2 га [Краснодарский край ..., 1997, с. 823, 824].

Наряду с торговлей жители коллективизированной деревни занимались предпринимательской деятельностью. Не всегда сельское предпринимательство 1930-х годов было связано с аграрным производством. Наиболее распространенными его видами в селах и станицах Юга России были перепродажа сельхозпродуктов и промтоваров, частный извоз, сдача жилья в аренду, и т. п.

На наш взгляд, нечто среднее между обычной торговлей и предпринимательством на Дону, Кубани и Ставрополье представляла собой продажа просяных веников, нередко упоминаемая в источниках. Колхозники и единоличники выращивали на своих участках просо и сорго, но продавали не столько пшено, сколько веники, изготовленные из стеблей этих растений. Такие веники пользовались большим спросом у населения. По имеющимся

данным, «гектар веников» приносил торговцам до 2 тыс. руб.: при среднем урожае, с одного гектара можно было получить сырье для изготовления примерно 700 веников, продававшихся по цене 3 руб. за штуку [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 23].

Распространенным видом предпринимательства являлась аренда тягловой силы, а именно лошадей. Занимались этим, как правило, единоличники, потому что колхозникам в законодательном порядке запрещалось держать лошадей в ЛПХ (по мнению Ш. Фицпатрик, наличие лошади в хозяйстве вообще было «главной отличительной чертой положения единоличника... от колхозника» [Фицпатрик, 2001, с. 173]). К тому же множество единоличников тоже не имели тягла, поскольку содержать его было довольно дорого, поэтому владельцы лошадей не знали отбоя от клиентов.

В частности, к ним обращались, когда надо было вспахать приусадебный участок или скосить колосовые. Подобные услуги стоили недешево. Современники свидетельствовали, что в середине 1930-х годов плата за вспашку одного гектара огорода на Юге России составляла от 100 до 150 руб. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 96; ЦДНИРО, ф. 166, оп. 1, д. 112, л. 147], а за уборку урожая хозяева лошадей требовали себе часть собранной продукции — от 25 % до 50 %, а то и больше [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 96; Радин, 1933].

Весьма доходным промыслом являлся частный извоз, которым, по вышеотмеченным причинам, занимались единоличники. Их клиентами были не только сельские жители, но даже предприятия и учреждения, в связи с чем владельцы лошадей нередко совершали длительные поездки и преодолевали, по выражению известного литературного персонажа, «дистанции огромного размера». Так, единоличники Вознесенского сельсовета Виноделенского района Северо-Кавказского края в 1934 году зарабатывали перевозкой грузов с железнодорожной станции Дивное в Калмыкию [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 10]: ближайший крупный населенный пункт Калмыкии — село Приютное — располагался от Дивного более чем в 25 км. В источниках встречаются сообщения, что единоличники из Северо-Кавказского края возили грузы в Закавказье (Тифлис, Баку) и даже в Москву [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 117, л. 23], то есть более чем за 1 тыс. км. Для ряда единоличников занятие извозом становилось настолько прибыльным, что они полностью сосредотачивались на нем и отказывались от сельхозпроизводства.

Сдача жилья внаем представляла собой распространенный способ заработка, особенно в прикурортных селениях. Иной раз предприимчивые единоличники и колхозники содержали своего рода постоянные дворы, что приносило им хорошие доходы и позволяло не усердствовать на работах в колхозе. Правда, чрезмерная активность в таком гостиничном бизнесе,

шедшая рука об руку с игнорированием работы в колхозе, могла повлечь за собой исключение из коллективного хозяйства. Именно такое наказание было применено в 1933 году в отношении колхозницы Крыловой из Азово-Черноморского края, которая жила на «нетрудовые доходы» от сдачи квартиры и содержания постоянного двора [ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 448, л. 6].

Следует, конечно, отметить и перепродажу продуктов питания и промтоваров, что именовалось в Уголовном кодексе СССР спекуляцией. Этим занимались как колхозники, так и единоличники, хотя, по всей видимости, последние были более склонны к указанному занятию в силу особенностей своего социального положения. Выбор предметов спекуляции и цена на них определялись спросом со стороны населения. Так, в голодном 1933 году перекупщики торговали зерном и мукой: по сообщениям из кубанской станицы Ново-Титаровской, здесь цена за блюдец муки составляла 2—3 рубля [ЦДНИРО, ф. 166, оп. 1, д. 23, л. 4]. Обычным явлением была спекуляция промышленными товарами. Перекупщики приобретали их в лавках потребкооперации тех районов, куда данные товары поставлялись в большем количестве, и везли в сельскую глубинку, ощущавшую дефицит предметов быта. В 1938 году Ростовский обком ВКП(б) констатировал подобную противозаконную деятельность со стороны предприимчивых колхозников ряда донских районов, хорошо обеспеченных промтоварами (тканями, велосипедами и пр.), и требовал от правоохранительных органов усилить борьбу со спекуляцией [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 64, л. 153—154].

3.2. Торгово-рыночные отношения колхозной деревни в контексте аграрной политики советского государства 1930-х годов

Как уже отмечалось, разрешая в начале 1930-х годов частную торговлю в деревне, партийно-советское руководство стремилось снизить антиколхозные настроения крестьянства и улучшить продовольственное обеспечение горожан. Тот факт, что торгово-рыночные отношения укрепляют хозяйственную самостоятельность единоличников и колхозников и их независимость от колхозов, не устраивал большевиков. В итоге, разрешив колхозный рынок, правительство СССР стремилось держать его под полным контролем и решительно препятствовало укреплению индивидуальных крестьянских хозяйств с помощью торговли и предпринимательства. В советском лексиконе это именовалось «борьбой с мелкобуржуазной стихией» и «частнособственническими пережитками».

В рамках означенной задачи мало было просто контролировать процесс ценообразования на сельском рынке и бороться с перекупщиками. Следовало проводить комплексные мероприятия, нацеленные на недопущение развития единоличных хозяйств и ЛПХ колхозников, на их превращение в мелкотоварные хозяйства, которые упрочивали свои позиции пу-

тем активного участия в рыночных отношениях и, тем самым, становились опасными конкурентами хозяйств коллективных, угрозой для колхозной системы. К услугам правительства был широкий набор административных и финансовых инструментов, которые применялись против единоличников и стремившихся к самостоятельности колхозников с начала 1930-х годов. Наиболее же активным и масштабным административно-финансовое давление на индивидуальные хозяйства стало с середины 1930-х годов.

В июле 1934 года в Москве состоялось совещание руководства компартии, участники которого с обоснованной тревогой говорили, что единоличник, используя торговлю и предпринимательство, не только сравнительно успешно приспособился к колхозной системе, но подает колхозникам нежелательный пример самостоятельного хозяйствования и даже сманивает некоторых из них на выход из коллективных хозяйств. Терпеть подобное лидеры ВКП(б) не намеревались и постановили предельно ужесточить административный контроль за некооперированным сектором деревни и максимально усилить налоговое давление на единоличников. С 1934 года единоличники должны были выполнять обязательные государственные поставки зерна на 50 % больше, чем колхозы (до этого на 10—15 % больше). Причем если до 1934 года единоличники не сдавали зерно со сверхплановых посевов, то теперь и таковые облагались налогом в половинном размере. Единовременный налог 1934 года для единоличников был увеличен вдвое: до 331 млн руб. против 166—170 млн руб. в 1932—1933 годах [Фицпатрик, 2001, с. 176].

Чтобы лишить единоличников доходов от извоза, правительство повысило налоги на лошадей и обязало правления колхозов предоставлять колхозникам в пользование лошадей и транспорт за определенную плату. Впрочем, колхозы часто игнорировали эту обязанность, а единоличники настолько дорожили лошадьми как одним из наиболее ценных активов, что всячески старались сохранить и приумножить их поголовье даже при условии повышенного налогообложения. Например, в Ростовской области численность единоличников снизилась с 5136 хозяйств в 1936 году до 4132 хозяйств к январю 1938 года. Но за то же время был зафиксирован «рост поголовья скота всех видов у единоличников», в том числе поголовье лошадей выросло на 41,6 % [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 46, л. 46]. В связи с этим правительство предприняло более решительные меры, издав в 1938 году закон «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств». Согласно закону единоличники в РСФСР должны были платить за единственную лошадь в хозяйстве 400—500 руб. и по 700—800 руб. «за каждую следующую лошадь сверх одной головы» [Сборник ..., 1945, с. 154].

Последним мощным ударом по единоличникам со стороны советского государства стало принятое ЦК ВКП(б) и СНК СССР в мае 1939 года зна-

менитое постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», согласно которому земельные участки единоличников сокращались до 0,2—1,2 га. Самое же главное заключалось в том, что постановление предусматривало обмер земель единоличников и изъятие у них лишних площадей [Важнейшие решения ..., 1948, с. 285], что и было выполнено органами власти на местах. В частности, в Краснодарском крае у единоличников конфисковали 818 га излишков [Краснодарский край ..., 1997, с. 832], в Ростовской области — 1106 га [ЦДНИ РО, ф. 9, оп. 1, д. 202, л. 132].

Ожидаемым результатом вышеперечисленных государственных мероприятий стало неуклонное сокращение некооперированного сектора южно-российской деревни. Если в первой половине 1934 года на Дону, Кубани и Ставрополье насчитывалось 380,7 тыс. хозяйств единоличников, то к 1936 году — 76,4 тыс., а в 1940 году — не более 8 тыс. [Бондарев, 2006, с. 385, 392] Многие единоличники вступили в колхозы, другие вовсе порвали с деревней и переселились в города, рабочие поселки и т. д.

Одновременно был усилен контроль за ЛПХ. С середины 1930-х годов местные партийно-советские органы проводили проверки землепользования колхозников, изымая излишки приусадебных участков. Наиболее же масштабные обмеры ЛПХ с конфискацией излишков прошли в рамках реализации вышеупомянутого майского (1939 год) постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Только в Краснодарском крае у колхозников было изъято и возвращено колхозам 47,3 тыс. га [Краснодарский край ..., 1997, с. 837]. Кроме того, в постановлении впервые вводился обязательный к выработке минимум трудодней, невыполнение которого могло повлечь за собой исключение из колхоза с автоматической потерей права пользования земельным участком. Реализация постановления способствовала повышению трудовой дисциплины в колхозах и серьезно подорвала хозяйственные возможности мелкотоварных ЛПХ, ориентировавшихся на рынок.

Вместе с тем даже означенные жесткие государственные меры не привели к полному исчезновению мелкотоварных крестьянских хозяйств в коллективизированной деревне. В частности, отдельные садово-огородные хозяйства единоличников сумели приноровиться к непрерывному государственному давлению и продолжали существовать. По статистике, к весне 1941 года в Ростовской области уцелели 898 единоличных хозяйств [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 4, л. 75], причем большинство из них группировались в тех районах и сельских населенных пунктах, которые находились вблизи городов как стабильных рынков сбыта. Так, в Новочеркасском сельском районе осталось 30 хозяйств единоличников, в Азовском районе — 57, в Багаевском районе — 67 [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 3, л. 1, 3, 7]. По-

следний из указанных районов отличался наиболее высокой численностью единоличников, потому что районный центр — станция Багаевская — находился недалеко от Ростова-на-Дону и славился своими овощами, прежде всего огурцами. Налаженный огуречный промысел позволял наиболее предприимчивым местным единоличникам выживать под административно-налоговым прессом. То же самое можно сказать и о целом ряде ЛПХ колхозников, продолжавших получать существенные доходы от продажи на рынке товарной сельхозпродукции.

4. Заключение = Conclusions

Констатируем, что торгово-рыночные отношения, сформировавшиеся в советской колхозной деревне 1930-х годов как результат компромисса между большевиками и крестьянством, с самого начала стали жизненно важными для массы сельских жителей Советского Союза, и в частности южно-российских регионов. Возможность свободно продавать сельхозпродукцию на рынке позволяла и колхозникам, и единоличникам сравнительно успешно приспособиться к условиям колхозной системы и минимизировать, насколько это было возможно, ее негативное воздействие на их жизнедеятельность и материальное положение их семей. Колхозники использовали торгово-рыночные отношения, чтобы компенсировать низкую оплату труда (особенно в денежном выражении), получить новый источник доходов и тем самым добиться некоторой хозяйственной самостоятельности и независимости от колхозов. Единоличники рассматривали рынок как важное условие своей хозяйственной деятельности, поскольку могли продавать там произведенные в собственном хозяйстве продукты по устраивающей их цене. Значительное количество колхозников и единоличников стремились подстроить свои хозяйства под запросы рынка и выращивать товарную продукцию, приносящую крупные и стабильные доходы. Наиболее предприимчивые жители деревни специализировались на коммерции, занимаясь частным извозом, сдачей жилья внаем, спекулируя на рынке и т. д.

Представители большевистской политической элиты понимали пользу товарно-рыночных отношений в деревне и были готовы мириться с их сохранением (временным, как надеялись идеологи коммунизма), но лишь до тех пор, пока таковые не угрожали колхозной системе. Поскольку же торговля и предпринимательство способствовали росту хозяйственной самостоятельности колхозников и упрочению позиций единоличников, большевики не только неустанно крепили контроль над рынком, но и осуществили ряд масштабных мероприятий по ослаблению мелкотоварных деревенских хозяйств. Все эти меры — плотный административный контроль, повышенное налогообложение, конфискация земельных излишков

у крестьян — серьезно повлияли на дееспособность мелкотоварных ЛПХ колхозников и привели к практически полному исчезновению некооперированного сектора деревни в конце 1930-х годов. Однако никакие запретительные мероприятия не были способны полностью ликвидировать торгово-предпринимательскую деятельность сельских жителей, которая стимулировалась сущностными чертами плановой экономики с её перманентным дефицитом предметов ширпотреба, их низким качеством, неравенством в снабжении города и деревни промышленными товарами. Как в 1930-х годах, так и на всем протяжении советской эпохи торговля и предпринимательство оставались важными занятиями экономически активной части сельского населения СССР, и в том числе Дона, Кубани и Ставрополя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Важнейшие* решения по сельскому хозяйству за 1938—1946 гг. — Москва : Изд-во сельскохозяйственной литературы, 1948. — 640 с.
2. ГАРО — *Государственный* архив Ростовской области, Ф. Р-1390. «Северо-Кавказское краевое земельное управление», Оп. 7, 1933—1941 гг. Д. 448 ; Ф. Р-4034. «Статистическое управление Ростовской области», Оп. 8, 1937—1945 гг., Д. 3, 4.
3. ГАСК — *Государственный* архив Ставропольского края, Ф. 1886. «Статистическое управление Орджоникидзевского края», Оп. 2, 1937—1941 гг., Д. 86.
4. *Голоса* крестьян : Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. и обработчик Е. М. Ковалев. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 413 с. — ISBN 5-7567-0054-4.
5. *История* колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. В 2-х т. — Москва : Госюриздат, 1959. — Т. 1. — 518 с.
6. *Коллективизация* сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927—1935. — Москва : Изд-во АН СССР, 1957. — 575 с.
7. *Коллективизация* сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927—1937 гг.) / Под. ред. П. В. Семернина и Е. Н. Осколкова. — Краснодар : Кн. изд-во, 1972. — 823 с.
8. *Краснодарский* край в 1937—1941 гг. Документы и материалы / Пред. ред. коллегии А. А. Алексеева. — Краснодар : Эдви, 1997. — 1120 с. — ISBN 5-7992-0002-0.
9. *Радин Ал.* Саботаж в Полтавской / Ал. Радин // Социалистическое земледелие. — 1933. — 9 января.
10. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории, Ф. 17. «Пленумы ЦК ВКП(б)», Оп. 120. 1930—1941 гг., Д. 117, 118.
11. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 1562. «Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР», Оп. 82. 1930—1941 гг., Д. 272.
12. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. В 5 т. — Москва : Политиздат, 1967. — Т. 2. — 800 с.

13. *Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР*. 1938—1944 гг. — Москва : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета СССР», 1945. — 359 с.
14. *Степанов И.* Плоды забвения работы с единоличниками / И. Степанов // *Молот*. — 1934. — 12 сентября.
15. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : Документы и материалы в 5-ти томах*. 1927—1939 / Отв. ред. Ю. Мошков. — Москва : РОССПЭН, 2002. — Т. 4. — 1055 с. — ISBN 5-8243-0040-2.
16. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области, Ф. 9. «Ростовский областной комитет коммунистической партии», Оп. 1, 1937—1941 гг., Д. 46, 64, 202.
17. *Шеболдаев Б. П.* Край неисчерпаемых возможностей / Б. П. Шеболдаев // *Колхозница*. — 1936. — № 10. — С. 3—8.

Литература

1. *Бабашкин В. В.* Особенности аграрного реформирования 1930 — 1950-х годов / В. В. Бабашкин, С. И. Толстов // *Историческая психология и социология истории*. — 2016. — Т. 9. — № 2. — С. 216—234.
2. *Безгин М. А.* Аграрный строй в России в 1930—1980-е гг. / М. А. Безгин, Т. М. Димони // *Экономическая история*. Ежегодник. — 2005. — Т. 2005. — С. 448—481.
3. *Белянов В. А.* Личное подсобное хозяйство при социализме / В. А. Белянов. — Москва : Экономика, 1970. — 184 с.
4. *Бондарев В. А.* Крестьянство и коллективизация : многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20-х — 30-х годах XX века / В. А. Бондарев. — Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. — 520 с. — ISBN 5-87872-141-4.
5. *Веронская М. В.* Крестьянское хозяйство как путь к предпринимательству в России : история и современность / М. В. Веронская, Е. Г. Гужва // *Экономика и предпринимательство*. — 2024. — № 2 (163). — С. 129—134.
6. *Глотов И. Ф.* Общественное сельскохозяйственное производство и личное подсобное хозяйство / И. Ф. Глотов. — Москва : Колос, 1979. — 271 с.
7. *Дихтяр Г. А.* Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма / Г. А. Дихтяр. — Москва : Наука, 1965. — 401 с.
8. *Зеленин И. Е.* Был ли «колхозный неонэп»? / И. Е. Зеленин // *Отечественная история*. — 1994. — № 2. — С. 105—121.
9. *Зеленин И. Е.* Коллективизация и единоличник (1933-й — первая половина 1935 г.) / И. Е. Зеленин // *Отечественная история*. — 1993. — № 3. — С. 35—55.
10. *История советского крестьянства. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927—1937* / Отв. ред. И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 1986. — Т. 2. — 448 с.
11. *Кулев В. М.* Культура труда и быта российской деревни / В. М. Кулев. — Самара : СамВек, 1993. — 132 с.
12. *Мариненко Л. Е.* Торговля и система снабжения в восточносибирской деревне в 1930-е гг. / Л. Е. Мариненко. — Красноярск : Изд-во СибФУ, 2012. — 158 с. — ISBN 978-5-98153-178-1.
13. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941 / Е. А. Осокина. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 351 с. — ISBN 978-5-8243-1083-2.

14. Осьмачко С. Г. Сталинская аграрная политика в 1930-е годы : проблема личного подсобного хозяйства / С. Г. Осьмачко // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. — 2021. — № 1 (12). — С. 164—169.

15. Пянкевич В. Л. Крестьянское аграрное предпринимательство в России. 1930—1950-е гг. / В. Л. Пянкевич // Политика. Общество. Человек : к 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2008. — С. 194—205. — ISBN 978-5-8015-0222-9.

16. Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1964. — 396 с.

17. Твердюкова Е. Д. Колхозная торговля Ленинграда 1930-х годов / Е. Д. Твердюкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер. 2 : История. — 2007. — № 4. — С. 126—133.

18. Тепцов Н. В. Аграрная политика : На крутых поворотах 20—30-х годов / Н. В. Тепцов. — Москва : Наука, 1990. — 205 с. — ISBN 5-07-001347-5.

19. Тленкопачев М. Б. Личное подсобное хозяйство: состояние и перспективы / М. Б. Тленкопачев. — Нальчик : Эльбрус, 1982. — 141 с.

20. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 422 с. — ISBN 5-8243-0238-3.

21. Чупрыльников С. А. Организация советской колхозной торговли в 1930-х гг. (на материалах Кубани) / С. А. Чупрыльников // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — Выпуск 12. — С. 92—96.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025,
одобрена после рецензирования 27.11.2025,
подготовлена к публикации 21.01.2026.

Material resources

Alekseev, A. A. (ed.). (1997). *Krasnodar Territory in 1937—1941. Documents and materials*. Krasnodar: Edvi. 1120 p. ISBN 5-7992-0002-0. (In Russ.).

CDNIRO — *Central Research Institute for Documentation of the Modern History of the Rostov region*, F. 9. “Rostov Regional Committee of the Communist Party”, Op. 1, 1937—1941, 46, 64, 202. (In Russ.).

Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938—1944. (1945). Moscow: Publishing house “Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR”. 359 p. (In Russ.).

Collectivization of agriculture. The most important resolutions of the Communist Party and the Soviet government 1927—1935. (1957). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 575 p. (In Russ.).

Decisions of the Party and the government on economic issues. Collection of documents for 50 years. In 5 volumes, 2. (1967). Moscow: Politizdat. 800 p. (In Russ.).

GARO — *The State Archive of the Rostov region*, F. R-1390. “North Caucasian Regional Land Administration”, Op. 7, 1933—1941, 448; F. R-4034. “Statistical Office of the Rostov region”, Op. 8, 1937—1945, 3, 4. (In Russ.).

GASK — *State Archive of the Stavropol Territory*, F. 1886. “Statistical Office of the Ordzhonikidze Territory”, Op. 2, 1937—1941, 86. (In Russ.).

History of collective farm law. Collection of legislative materials of the USSR and the RSFSR. 1917—1958. In 2 volumes, 1. (1959). Moscow: Gosyurizdat. 518 p. (In Russ.).

- Moshkov, Y. (ed.). (2002). *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession: Documents and materials in 5 volumes, 4. 1927—1939*. Moscow: ROSSPEN. 1055 p. ISBN 5-8243-0040-2. (In Russ.).
- Radin, A. I. (1933). Sabotage in Poltava. *Socialist agriculture. January 9th*. (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 1562. Central Statistical Office of the USSR, Op. 82. 1930—1941, 272.12*. (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-political History, F. 17. "Plenums of the Central Committee of the CPSU(b)", Op. 120. 1930—1941, 117, 118*. (In Russ.).
- Semernin, P. V., Oskolkov, E. N. (eds.). (1972). *Collectivization of agriculture in the North Caucasus (1927—1937)*. Krasnodar: Publishing House. 823 p. (In Russ.).
- Sheboldaev, B. P. (1936). Krai inexhaustible possibilities. *Kolkhoznitsa, 10*: 3—8. (In Russ.).
- Stepanov, I. (1934). The fruits of oblivion of working with individuals. *Hammer. September 12*. (In Russ.).
- The most important decisions on agriculture for 1938—1946*. (1948). Moscow: Publishing House of agricultural literature. 640 p. (In Russ.).
- Voices of the peasants: Rural Russia of the XX century in peasant memoirs*. (1996). Moscow: Aspect Press. 413 p. ISBN 5-7567-0054-4. (In Russ.).

References

- Babashkin, V. V., Tolstov, S. I. (2016). Features of agrarian reform in the 1930s — 1950s. *Historical psychology and sociology of history, 9* (2): 216—234. (In Russ.).
- Belyanov, V. A. (1970). *Personal subsidiary farming under socialism*. Moscow: Ekonomika Publ. 184 p. (In Russ.).
- Bezgin, M. A., Dimoni, T. M. (2005). The agrarian system in Russia in the 1930s—1980s. *Economic history. Yearbook, 2005*: 448—481. (In Russ.).
- Bondarev, V. A. (2006). *Peasantry and collectivization: the complexity of socio-economic relations of villages in the Don, Kuban and Stavropol regions in the late 20s — 30s of the XX century*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian Scientific Research Center of Higher School of Economics. 520 p. ISBN 5-87872-141-4. (In Russ.).
- Chuprynnikov, S. A. (2020). The organization of Soviet collective farm trade in the 1930s (based on the materials of Kuban). *Manuscript, 13* (12): 92—96. (In Russ.).
- Dikhtyar, G. A. (1965). *Soviet trade in the period of socialism and the extensive construction of communism*. Moscow: Nauka Publ. 401 p. (In Russ.).
- Fitzpatrick, S. (2001). *The Stalinist peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: the village*. Moscow: ROSSPEN. 422 p. ISBN 5-8243-0238-3. (In Russ.).
- Glotov, I. F. (1979). *Public agricultural production and private subsidiary farming*. Moscow: Kolos Publ. 271 p. (In Russ.).
- Kulev, V. M. (1993). *Culture of labor and everyday life of the Russian village*. Samara: SamVek. 132 p. (In Russ.).
- Marinenko, L. E. (2012). *Trade and supply system in the East Siberian village in the 1930s*. Krasnoyarsk: SibFU Publishing House. 158 p. ISBN 978-5-98153-178-1. (In Russ.).
- Osmachko, S. G. (2021). Stalin's agrarian policy in the 1930s: the problem of personal subsidiary farming. *Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, 1* (12): 164—169. (In Russ.).
- Osokina, E. A. (2008). *Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927—1941*. Moscow: ROSSPEN. 351 p. ISBN 978-5-8243-1083-2. (In Russ.).

- Pyankevich, V. L. (2008). Peasant agrarian entrepreneurship in Russia. 1930s—1950s. In: *Politics. Society. The man: on the 85th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor A. Z. Vaxer*. Saint Petersburg: European House. 194—205. ISBN 978-5-8015-0222-9. (In Russ.).
- Rubinstein, G. L. (1964). *The development of domestic trade in the USSR*. Leningrad: Leningrad State University Publishing House. 396 p. (In Russ.).
- Teptsov, N. V. (1990). *Agrarian policy: At the sharp turns of the 20—30s*. Moscow: Nauka Publ. 205 p. ISBN 5-07-001347-5. (In Russ.).
- Tlenkopachev, M. B. (1982). *Personal subsidiary farming: state and prospects*. Nalchik: Elbrus Publ. 141 p. (In Russ.).
- Tverdyukova, E. D. (2007). Kolkhoz trade of Leningrad in the 1930s. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History*, 4: 126—133. (In Russ.).
- Veronskaya, M. V., Guzhva, E. G. (2024). Peasant farming as a path to entrepreneurship in Russia: history and modernity. *Economics and entrepreneurship*, 2 (163): 129—134. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (1993). Collectivization and the individual (1933 — the first half of 1935). *Russian history*, 3: 35—55. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (1994). Was there a “collective farm neonep”? *Russian history*, 2: 105—121. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (ed.). (1986). *The history of the Soviet peasantry. The Soviet peasantry during the socialist reconstruction of the national economy. The end of 1927—1937*, 2. Moscow: Nauka Publ. 448 p. (In Russ.).

*The article was submitted 21.07.2025;
approved after reviewing 27.11.2025;
accepted for publication 21.01.2026.*